

В. Е. Хвощев

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ — ТОНУЩИЙ КОРАБЛЬ?*

V. E. Khvoshchev

RUSSIAN PHILOSOPHY — A SINKING SHIP?

Следуя метафоре, вынесенной в заглавие статьи, можно продолжить, что философия в России получила в конце XX века серьезную пробоину, отказавшись от научной теории марксизма. Утратив смыслы, заключенные в поисках истины и построении целостной картины мира, российская философия быстро превращается в образ жизни узкого слоя философствующих индивидов, а отдельные размышления, по форме отдаленно напоминающие исследования, приобретают все более фрагментарный характер.

Значительная часть российских философов, оказавшись в науке без точки опоры, привычно обратила взоры на Запад, который сам давно и неизлечимо страдает аналогичными хроническими недугами.

Вероятно, что главная причина всеобщего методологического помутнения философского сознания кроется в стремительно увеличивающемся отрыве гуманитарной мысли от проблем современных естественных наук с риском обретения для гуманитарной науки мировоззренческого статуса. Но есть масса внутренних возможностей, в том числе у философии, утверждения собственной научности. Автор статьи пытается искать их в привязке к теологии, дискурсологии, догматике, теории активности.

Ключевые слова: философия, теология, активность, дискурс, дискурсология, догма, догматическая наука.

At the end of XX century philosophy in Russia was dealt a serious blow, largely abandoning the scientific theory of Marxism. Gradually losing structure and meaning embodied in the search for truth and comprehensive picture of the world, Russian philosophy is rapidly transforming into a way of life for a small group of philosophizing individuals whereas standalone ruminations and reflections, vaguely reminiscent of the scientific inquiry, are increasingly fragmented.

A considerable part of Russian philosophers, left without scientific foundation and methodology, have habitually turned their gaze to the West, itself in a long and increasingly hopeless battle against similar chronic problems.

It seems likely that the main reason for the widespread methodological clouding of philosophical consciousness lies in the escalating disconnection between the humanities and modern natural sciences. Left unattended this rift threatens to deem philosophy and other humanities less and less relevant. However, there are many internal resources in the humanities, including philosophy to state and strengthen their scientific foundation. The author searches for them in connection with theology, dogmatics, discoursology and activism.

Keywords: philosophy, theology, activity, discours, discoursologia, dogma, dogmatic science.

Философия в России прошла в своей относительно короткой истории 2 больших этапа. Первый этап — с начала ее запоздалого возникновения и до Октябрьской 1917 года революции — был преимущественно религиозным. На этом этапе отечественная философия, если и не отождествлялась с теологией, то соседствовала с ней в предметной области. И хотя XIX век расшатал религиозные основы мировоззрения россиян, особенно в наиболее обра-

зованных слоях общества, империя и вслед за ней наука оставались в лоне православия. Как результат такого положения выстраивалась и философия, в которой научные представления укладывались в узкие рамки официального богословия.

Ситуация изменилась после революции на противоположную. Воинствующий атеизм, получивший поддержку победившей политической группы, принялся методично искоренять религиозные формы общественной жизни. В философии этот процесс ознаменовал начало нового — атеистического — этапа развития. Критерием научности философии

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение № 14.В37.21.0266).

был объявлен жесткий материализм, не имевший в российской мысли серьезных традиций.

Вполне естественно, что освоение нового направления советской философией выглядело головокружительным взлетом философской мысли. Справедливости ради необходимо заметить, что успехи советских философов в разработке материалистической теории были не только кажущимися, но и реальными. К сожалению, материалистическая философия не меньше философии религиозной подвержена неумеренной догматизации и на этой почве утрате научности. Превращению исторического и диалектического материализма в догму всячески содействовала власть, избравшая его в качестве основы государственной идеологии.

Замена социалистического уклада жизни в середине — конце 80-х годов прошлого столетия выявила несовместимость прежней философской науки с политическими и экономическими интересами новой власти. С марксизмом в России было быстро покончено политическими методами. На этот раз обошлось даже без «философского парохода», поскольку большинство советских гуманитариев, травмированных сталинским режимом, покорно предпочло романтике полуголодного служения истине сравнительно сытое и спокойное существование в хаосе.

Такой демонтаж философской науки не мог привести и не привел к появлению новых конструкций. С заброшенной материалистической почвы философы перешли в мутное болотце «постмодернизма», где выстраиваются зыбкие постройки с аморфным статусом — «мировоззрение». Не удивительно, что при таких условиях научные споры легко превращаются в малообязывающий «диалог мировоззрений». А чтобы диалог такой непременно состоялся, достаточно, по мнению А. А. Гусейнова¹, отказаться от главных принципов («первопринципов»), целиком сосредоточившись на частностях. Подобная политика сегодня последовательно реализуется и в системе высшего образования. «Высшее образование теряет свою фундаментальность», «фундаментальные концепции постепенно выводятся из вузовских учебных программ»². А состояние образования — не последний фактор ускорения научного прогресса.

Между тем, логика развития диктует переход к третьему этапу российской философии, суть которого будет в синтезе, на первый взгляд, несовместимых духовных (в том числе, религиозных) и материальных начал либо в обретении обществом определенных жизненных принципов, фактически отвергаемых А. А. Гусейновым.

Как частный случай синтеза духовного и материального можно рассматривать сближение материалистической философии и теологии, являющимися родственными науками, имеющими, по крайней мере, в онтологической части больше сходства, чем различий. Очищенные от излишних человеческих рефлексий и фантастических аксиом и гипотез, обе становятся вполне строгими дисциплинами о сущности мироздания отличающиеся лишь методами исследования. Об одном и том же первая говорит преимущественно языком индукции, вторая твердо придерживается дедуктивного подхода. Другими словами, теология и философия гармонично до-

полняют друг друга: научная философия не может пренебрегать теологической дедукцией, задающей вектор индуктивного анализа, а это значит, что теология, несмотря на трансцендентный характер своих построений, может задавать цели и смыслы не только для гуманитарных, но и для естественных наук.

В советской науке теология отождествлялась с примитивным богословием и определялась как антинаука или откровенное шарлатанство. Этот тезис мы подвергли сомнению в научно-исследовательском проекте «Обоснование теологии как науки о сущности бытия» (двухгодичный грант Министерства образования и науки РФ № 02.740.11.5205 от 22.03.2010). Результатом исследования было подтверждение научности теологии³ и возможности преподавания соответствующей дисциплины в высшем учебном заведении на неконфессиональной основе. Более того, в аналогичном светском варианте теология может стать направлением образовательной деятельности бакалавров и магистров (лицензия на право образовательной деятельности по направлению выдана университету Минобразования России в 2013 году). Развитие теологии в таком представлении, на наш взгляд, будет способствовать научному наполнению и философского знания.

В наше переходное от марксизма в неизвестность время в российской философии господствует ничем не стесненный, чуждый диалогу и критике философский дискурс. Его основные черты — автономность и самодостаточность — несовместимы с научным прогрессом, предполагающим тесное взаимодействие участников. По этой причине образуется «лоскутное» состояние философии, которое объективно способствует образованию многоликости и разношерстности философского дискурса⁴, не обремененного разумными догматическими ограничениями. Подобное состояние свойственно затянувшемуся в социально-гуманитарных науках движению от хаоса (дискурса) к упорядоченности (догме). Но рано или поздно хаотичный дискурс приходит в порядок, догматизируется, образуя в науке фундаментальную основу развития, обеспечивая в нем (развитии) очередной революционный скачок, бифуркационный взрыв.

Очевидно, что со временем сформировавшаяся догма укрепляется или разрушается дискурсом, неисчерпаемым источником которого является конкретный человек с его специфическими мнением, суждением, взглядом на мир. Изучить этот процесс мы сегодня пытаемся в ходе научно-исследовательского проекта «Диалектика дискурсивного и догматического» в поисках национально-культурных смыслов» (грант Министерства образования и науки РФ № 14.V37.21.0266 от 30.07.2012).

Дискурсивный характер современной философии затрудняет формирование научного знания. Смысл бытия разрушается дискурсом и воссоздается догмой, в каких бы формах⁵ последняя не являлась.

Единению духовного и материального не мешает и поиск смыслообразующих принципов человеческого существования, тех самых, которые в интересах правящих групп в сегодняшней жизни «вынесены за скобки».

Одну из перспективных и незаслуженно отвергнутых философских догм следует отметить особо — материалистический активизм или в интерпретации К. Поппера «историцизм»⁶, дискурсивному размягчению которого отдали много сил сам К. Поппер и его сторонники. Между тем, теория активности приобретает особую актуальность в современной науке и практике по мере того, как возрастающее влияние на развитие оказывают самодвижение, самодеятельность объектов, основанные на их внутреннем потенциале. Именно это свойство материальных объектов полнее объясняет действительность и достойно быть фундаментом научного обновления философии.

Более того, теория и методология активности прямо и непосредственно объясняет и ориентирует современный технологизм науки, остро нуждающийся в фундаментальной опоре, без которой технологическое развитие ожидает неминуемый кризис. В этом направлении заслуживает внимания обращение к философской рефлексии, как принципу человеческой самодеятельности⁷. Вряд ли можно возразить В. Н. Усову, что «активность человеческого сознания в управлении общественной и индивидуальной деятельностью становится в настоящее время все более и более значимой»⁸. Однако принцип этот, взятый в сравнительно узкой сфере управленческой деятельности человека, да еще и ограниченный областью «критических ситуаций», уводит философа от общей теории вопроса к более частным — политике или стратегии рефлексивного управления.

По-видимому, концептуальную (методологическую) определенность философской рефлексии следует искать в антропологических свойствах человека, точнее, в его универсальном качестве — активности⁹. В свою очередь нельзя не согласиться, что «особую роль в детерминации этой активности играет философская рефлексия»¹⁰.

Уместно заметить, что 60—70-е годы XX столетия отмечены лавинообразным ростом интереса к проблемам активности со стороны философии, социологии, политической теории, прежде всего, в Советском Союзе и Восточной Европе. Силами обстоятельств интерес этот был погашен, а ущерб от этого для науки и практики до сих пор не получил надлежащей оценки.

Можно предположить, что исследование активности в ближайшей перспективе будет востребовано обществом и отдельные очаги научного интереса к теме¹¹ получают широкое географическое распространение¹². Тогда российская философия (и не только она) отправится в плавание в надежном фарватере 3-го этапа развития.

Post scriptum. Было бы не верным считать концептуальную недостаточность философии в современной России фатальной. Негативные последствия отсутствия фундаментальной основы развития испытывает сегодня вся наука, особенно социальная и гуманитарная ее части. На этом фоне российские философы выглядят достойно: многие выводы их политичны, а стремление к научному диалогу оставляет надежду на преодоление складывающегося сюрреализма в познании и успешное продвижение в поисках истины и смысла человеческого существования.

Примечания

1. Выступление на пленарном заседании VI Российского философского конгресса «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» // Вопросы философии. — 2013. — № 1.

2. Запесоцкий А. С. Философия образования и проблемы современных реформ // Вопросы философии. — 2013. — № 1. — С. 27.

3. Теология и науки о религии: монография / под общ. ред. М. А. Малышева, В. Е. Хвощева; Россия — Мексика. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во Научно-образовательного центра «Комплексные проблемы общественных наук». — 2011. — 559 с.

4. Многоликий дискурс: монография / под общ. ред. В. Е. Хвощева, М. А. Малышева. Россия—Мексика. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2012. — 671 с.

5. Хвощев В. Е. Национально-культурные смыслы бытия в формате «soft & hard power» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 19. — 2012. — № 32 (291). — С. 126—128.

6. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. — М.: Прогресс; МШФ, 1993. — 187 с.

7. Усов В. Н. Философия рефлексивного управления. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. — 284 с.

8. Там же. — С. 5.

9. Хвощев В. Е. Теория активности: от истоков к началам: монография. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. — 168 с.

10. Усов В. Н. Указ. соч. — С. 5.

11. Малышев М. А., Хвощев В. Е., Герреро Педро Каналес. Доктрина историцизма: испытание практикой. Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 17. — 2011. — № 30 (247). — С. 107—117.

12. Jvoschew V. Naturaleza y esencia del activismo // Dialectica. — 2011. — № 43. — P. 29—37.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

ХВОЩЕВ Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии, Южно-Уральский государственный университет, председатель Челябинского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (Челябинск, Россия). E-mail: vek@susu.ac.ru.

KHVOSHCHEV Vladimir Efimovich is the heard of the Department of Political Science, a chairman of Chelyabinsk regional branch of the Russian Association of Political Science of South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: vek@susu.ac.ru.